

Грязное предложение

Задыхаясь от слёз, она долго не могла вымолвить ни слова, пока, наконец, не призналась родителям в том, что сегодня ей сделали грязное предложение.

Обеспокоенные состоянием дочери, её родители сразу же направились в дом родителей молодого человека, дабы в их присутствии узнать от него обо всех подробностях сказанного их дочери.

Оказалось, что их дочь призналась не в том, что произошло на самом деле, ибо никакого предложения вовсе не было, а то, что случилось между молодыми людьми, называется иначе. Родители будущего жениха заверили незваных ночных гостей, что давно советовали своему сыну хорошенько приглядеться к этой... м-м-м-м... порядочной девушке.

Молодой человек, оказавшийся в столь неловкой ситуации, в присутствии своих родителей дал слово завтра же утром явиться вместе с ними к родителям невесты для совершения древнего обряда сватовства, свидетелями которого должны были бы стать все жители близлежащих окрестностей. Его родители со своей стороны заверили будущих сватёв в том, чтобы они не сомневались в серьёзности намерений их семьи, попросили назвать номер банковской карты отца девушки и тут же по Интернету перевели ему на карту сумму, приличествующую социальному статусу сторон и сложившейся ситуации.

В общем, все расстались довольными. За исключением девушки, разрывающейся ещё сильнее после того, как родители вернулись и рассказали ей о мирной договорённости, которая только что произошла в доме молодого человека.

Только сейчас до родителей дошло, что дочь говорила о другом молодом человеке с похожим именем, которое она невнятно произнесла во время бурных рыданий, связанных не с его грязным предложением, а с тем, что он уехал из их города и больше не вернётся. А про предложение—это она так, ляпнула, не подумав.

«Хатуля»

Она отдавалась любви легко, свободно, задорно, весело—в общем, с радостью.

Её тело вздрагивало от удовольствия, и по упругому животу пробегали мелкие волны...

Удлиненные полуприкрытые восточные глаза её в полузабытьи сладко улыбались чему-то потаённому, своему, чего не высказать и не понять никому.

А губы шептали нечто нежное и древнее, библейское... «Хатуль, Хатуль...»— снова шепнула она нежно и встала с постели. Потом они обедали в ресторане. Меню изучалось недолго: голод—не тётка.

У неё был чудесный аппетит, она заказала уйму вкуснейших блюд, однако пробовала от каждого по чуть-чуть, подобно хохлу из анекдота, который якобы сказал: «Съем—не съем, но надкушу!» В ресторане было светло и просторно, сверкало множество зеркал, у каждого стола «на подхвате» дежурил официант в экзотических восточных одеждах.

После бокала изумительного коллекционного вина её головка немножко закружилась от каких-то своих мечтаний. Кто знает, может быть, она представила себя властительной царицей в том старинном дворце, который она видела однажды на фотографии из туристического буклета, случайно попавшего в её обшарпанную комнатку в конце грязного полутёмного коридора коммуналки?... Никто этого не знает. Но разве нельзя погрезить вот так—хоть немного? Разве это запрещено хоть одним законом?..

И тёплые солёные слёзы потекли по её лицу...

У озера

Она была внезапной и прекрасной, как звезда, выпавшая из ночного тумана над озером... Её томный грудной голос, её огромные завораживающие цыганские очи, её густые тёмные волосы и округлые мягкие и нежные руки— всё в ней казалось ему внезапной головокружительной сказкой. Он так и не понял, откуда она появилась осенней ночью, из темноты, на берегу дремлющего лесного озера и куда исчезла с рассветом...

Всю ночь звучала гитара. Всю ночь она пела... Ах, как же она пела, колдунья, ночное божество, нимфа, явившаяся из шёпота осыпающихся листьев, незримой измороси тумана и охлаждающе-ласкового чуть слышного ветерка...

Слова старинных романсов—словно яркие тёплые капельки живой крови, падающие в бокал

красного вина... И бесконечная, кружащая головы, нежданная, немислимая, невозможная любовь, захлестнувшая сердца обоих.

Она медленно гладила его забубённую бедовую голову, покоящуюся на её коленях, и пела. Пела всю ночь... Эта любовь была мгновенной, взаимной, чистой и искрящейся, как хрусталь их бокалов.

Он заметил, как заблестели слёзы в её глазах, когда они расставались. Они не были близки. Обнимая её на прощанье у самого берега возле озёрных камышей, он спросил только её имя. «Лариса...» — послышалось ему из сумеречной предрастветной тишины. И голос тут же растворился в осеннем тумане.

Гроза над морем

Над приморским городом полыхала гроза. Удивительное явление для знойного южного города, где порой за несколько месяцев могло не выпасть на землю ни единой дождевой капли. Ветер швырял ему в лицо пригоршни небесной влаги, море кипело у его ног.

В мокрой белой рубашке школьника выпускного класса он шёл и шёл, не разбирая дороги, а сердце его захлёбывалось от любви к той, кого он, как казалось ему тогда, больше никогда не увидит.

Уже отзвенел последний звонок. Уже сданы все экзамены. Сказаны все слова. И вчера состоялся прощальный школьный бал. Он так и не решился признаться ей в своих чувствах. И оттого, что жизнь идёт своим чередом, а значит, больше не будет школьных уроков и не будет причин видеть её, ему было невыносимо тяжело. Гремела утренняя гроза, а казалось, будто рушится весь его мир!..

Через пятнадцать лет они встретились на улице. Совершенно случайно. Она окликнула его первой. Радостная, запыхавшись, подбежала к нему, а он... Он никак не мог разрешить себе узнать её. Никак не мог поверить своим глазам, поверить тому, что эта расплывшаяся, беззаботно щебечущая, дородная мамаша с дряблыми ногами, морщинами на шее и тёмными мешками под глазами и есть та самая красавица-одноклассница. Он растерянно говорил какие-то ничего не значащие общие слова. Вспомнил только веснушки на лице. Раньше они были едва заметны, словно лёгкие брызги, оставленные солнечными лучами. А теперь — это были безобразные пятна, портившие немолодую кожу. Ему вдруг стало стыдно за себя, за то, что теперь в его душе не было ничего, кроме желания поскорее уйти...

Та гроза прошла навсегда. И высох не только асфальт...

Признание

— Признавайся, баба: грешила?
— Нет.
— Грешна?

— Нет.

— Признавайся!

— Признаюсь!

— Значит, грешна?

— Нет.

— А дети откуда?

— Святым духом, батюшка... Святым духом.

— Так много?

— Это ещё не много, у других больше.

— А что же ты признаёшься, если не грешна?

— Так вы ж хотите, чтоб я призналась: как же я могу вам отказать?

— Безотказная ты, о-хо-хо. Ладно, иди с Богом.

...И она ушла. И Бог шёл рядом с ней...

За что?

«За что ты так меня любишь?» — спрашиваешь ты. «За твою прекрасную душу», — отвечаю я и ласково поглаживаю тебя по нежно-выпуклой попке.

Мы занимаемся любовью каждый вечер. Мы занимаемся любовью каждое утро. Иногда мы одновременно вздрагиваем во сне, просыпаемся среди ночи, загадочно смотрим друг другу в глаза и опять занимаемся любовью...

Ты даже не представляешь себе, как я тебя люблю. Думаешь, я — представляю? И я не представляю.

Ты есть

Не знаю, где ты сейчас, но если ты читаешь эти строки, значит, ты меня слышишь. Пожалуйста, посмотри сейчас в окно. Хотя бы просто взгляни в его сторону. Что там? Рассвет или закат? Ясный день или тёмная ночь? Или ветер? Или туман? Или дождь идёт? Или снег мелькает? Что бы там ни было, но, пожалуйста, поверь: именно сейчас твоя душа не одинока. Пусть я совсем не знаю тебя, пусть так, но не некто безликий и абстрактный, а именно я, пишущий тебе эти строки, очень хочу, чтобы вот сейчас, здесь, немедленно, пока ты читаешь мои слова, твоя душа ощутила моё присутствие...

И если там, за окном, солнечно — это я улыбаюсь тебе. И если там сияет звёздное небо — мы оба глядим на него сейчас. Льют ли дожди, шумят ли ветра, летят ли снега, сияют ли радуги — посмотри же, посмотри в окно!

Чувствуешь, как я радуюсь, как печалюсь вместе с тобой? Пусть я не знаю, где ты, но я чувствую твоё присутствие. Спасибо тебе за это... За что? За то, что ты есть...

Люблю и помню

Брат моего отца, дядя Юсиф, был настолько старше остальных братьев, что все их дети называли его не иначе как Юсиф-баба (дедушка Юсиф), хотя он был им, как и мне, дядей, а не дедушкой.

Когда грянула Великая Отечественная война, то дядю Юсифа в армию так и не взяли, всю войну он проработал в колхозе. Колхоз в Уладжалах был хлопководческий, а значит, стратегически очень важный, поскольку хлопок нужен был для изготовления взрывчатки.

Всю свою жизнь дядя Юсиф проработал на земле. Лицо у него всегда было тёмным от загара. Когда он почувствовал приближение смерти, то позвал родных, сказал им, что он умирает, и попросил постелить ему во дворе своего сельского дома — на голой земле. Ему постелили. Он лёг и умер.

Через много лет его сын Билял, мой двоюродный брат, попросил однажды ночью о том же самом свою жену Джамилу. Она, плача, постелила ему на земле... И он тоже лёг и умер. Они были сельскими тружениками, жили и работали на своей земле и всю жизнь преданно любили — свой дом, своих близких, своё село, свою землю.

Дед мой, Аббасгулу Ахадов, жил с семьёй на берегу реки Куры, в селении Уладжалы Сабирабадского района Азербайджанской ССР. Знаю, что родился он в 1870 году (то есть был ровесником В. И. Ульянова-Ленина), а умер в 1959-м, не дожив, к сожалению, около года до моего рождения и своего девяностолетия.

Имя своё дед, возможно, получил в честь первого азербайджанского просветителя нового типа Аббасгулу Бакиханова. Сын последнего правившего бакинского хана, Бакиханов — основоположник азербайджанской научной историографии, а его труд «Юлистане-и-Ирем» — первое монографическое исследование академического плана. Вот та причина, по которой в середине девятнадцатого века в мусульманском Закавказье имя «Аббасгулу» было весьма популярно. Мой сын Тимур родился в 2011 году. Разница в возрасте с прадедом — сто сорок один год, с дедом — семьдесят восемь. Впрочем, ничего особенного в этом не вижу, поскольку со школьного детства помню Ширали Муслимова, легендарного талышского чабана, родившегося в селении Барзаву двадцать шестого марта 1805 года и скончавшегося там же второго сентября 1973-го, как раз когда я пошёл в шестой класс. То есть по возрасту он мог быть свидетелем Бородинского сражения с войсками Наполеона, мог встретиться с Грибоедовым и Пушкиным, а потом делиться с моими ровесниками своими впечатлениями, однако на самом деле дедушка Ширали так и прожил всю жизнь в родном Барзаву на юге Азербайджана.

Алихас Аббасгулу оглы Ахадов, мой отец, родился в 1933 году, когда моему деду было шестьдесят три года. Он был его самым младшим сыном. После окончания школы в начале пятидесятых годов он поехал в Баку, поступил в индустриальный институт (Азии он тогда назывался), окончил его

и остался работать в городе. Здесь мама и отец познакомились и поженились. Здесь родились я и мои сёстры.

Бабушку мою, 1874 года рождения, звали Сярфиназ, она происходила из другого села, ближе к Сабирабаду, и была дочерью обедневшего землевладельца Таги-хана. У неё было два брата. Знаю, что бабушка не только занималась обычными домашними делами, но и ткала прекрасные ковры. Я никогда её не видел (бабушки не стало задолго до моего появления на свет), но ковёр, вытканый её тёплыми добрыми руками, помню в нашей бакинской квартире с раннего детства: с ею набранной нитками и шерстью в уголке ковра датой — «1944», а ещё со старинным национальным орнаментом — бутой — по всему ковровому полю.

Детьми Аббасгулу и Сярфиназ были дядя Юсиф (Юсиф-эми), тётя Азизбеим (Азизбеим-биби), тётя Рубаба (Рубаба-биби), дядя Алибала (Алибала-эми), дядя Ханбала (Ханбала-эми) и мой отец — Алихас. Слова «эми» и «биби» в азербайджанском языке означают соответственно «дядя» (со стороны отца) и «тётя» (тоже со стороны отца).

Дед работал бакенщиком на реке, отлично плавал, как, впрочем, и мой отец, переплывавший стремительную широкую Куру в обе стороны. Река Кура в тех местах течёт настолько стремительно и непредсказуемо, что порой местные её называют «дэли Кюр», что означает «сумасшедшая Кура».

У деда были довольно обширные земли, расположенные между озером Ахмаз и рекой Курой. Ахмаз представляет собой старицу (отрезок бывшего русла) реки Куры. Сейчас эти земли разделены между теми его внуками и правнуками, которые продолжают жить в Уладжалах. И всем их достаточно.

Говорят, отцом Аббасгулу, то есть моим прадедом, был Ахад, родившийся ещё в годы правления императрицы Екатерины Второй. Возможно, Ахад был единственным сыном своих родителей, поскольку его имя в переводе с арабского и означает «единственный» (это — шестьдесят седьмое из девяноста девяти имён Аллаха Милосердного и Всемилоственного). В любом случае фамилия наша произошла от имени моего прадеда.

Однако не всем членам семьи удалось её сохранить. При оформлении документов дяди Ханбалы произошла ошибка, и его записали Ахмедовым. Так вместо Ахадова ниоткуда возник Ахмедов Ханбала. В дальнейшем его потомки остались Ахмедовыми.

Дядя Ханбала ушёл на войну в сорок третьем, когда подошёл призывной возраст. Успел повоевать на Украине, был автоматчиком. На юго-западе Украины в бою Ханбала получил тяжёлое ранение: фашисты прострелили ему автоматной очередью лёгкие. Мало того, у него, девятнадцатилетнего паренька, в госпитале начался туберкулёз... Дядю

Алибалу очень любила его мама, моя бабушка Сярфиназ. Он ушёл на фронт раньше Ханбалы и... пропал без вести. Бабушке было очень тяжело, она говорила, что он был очень добрым, послушным ребёнком в детстве. Если б он дерзил или вёл себя как-то нехорошо, то, может быть, его было бы легче забыть, но она не могла вспомнить ни одного такого случая, их не существовало. И от этого становилось ещё тяжелее, невыносимо тяжко... Кстати, первым в военкомат с запросом об участии Алибалы обратился его старший брат Юсиф. Увы, безуспешно.

Нет уже на свете ни набожной, соблюдавшей все намазы тётки Азизбеим (а в кармане широкой юбки — прячутся припасённые конфетки для маленького Эльдара), ни радушной, улыбающейся тётки Рубабы (она в моей памяти такой и осталась — с распостёртыми руками, радостной, громкоголосой, бегущей по сельскому двору навстречу мне, своему племяннику), ни дяди Ханбалы (с пахучими нежными персиками в раскрытых ладонях: «Бери, сынок, это тебе»).

Остались их дети, мои двоюродные братья и сёстры: Али-Магомед, Нигяр, Шофкет, Тейбала, Теймир, Алибала, Эльсафа, Низам и другие, много... Народились их внуки и правнуки. И в Азербайджане, и за его пределами они теперь: растеклось по всей земле потомство моего прадеда — Ахада, чьё имя означало «единственный».

Голоса

В юности мы то слушаем эти голоса, то не слушаем их, иногда спорим с ними, иногда даже обижаемся на них... Всякое случается в жизни. Но однажды наступает время, когда нам уже всё равно: хвалят они нас или ругают, узнают или уже не узнают. Не важно. Главное — чтобы они были, чтобы длились и звучали каждый день, каждый час, каждый миг... голоса наших родителей... Потому что других таких родных голосов у нас никогда уже не будет...

Мамина долма

Самое вкусное в мире блюдо — это мамина долма. Поскольку ни повторить, ни тем более превзойти его никому никогда не удастся, ибо для его приготовления нужны руки и душа моей мамы, то перейдём к долме обыкновенной, которую могут приготовить все, даже я.

Что для этого нужно? Во-первых, виноградные листья. Не крупные и не мелкие — средние. Желательно свежие. Мама отправила мне такие в полулитровой пластмассовой бутылке, доверху набив её скрученными виноградными листьями и хорошенько закупорив. Теперь, чтобы их осторожно расправить, я складываю листья в небольшую кастрюлю и заливаю их горячей водой из чайника — так они легче расправляются. Когда не сезон и нет под рукой свежих виноградных листьев,

тогда можно использовать маринованные. Если у вас в городе есть базар, то там они непременно должны где-нибудь быть.

Мясо лучше выбирать самому и делать фарш — самому. Поскольку, увы, времени у меня на это, а главное, терпения, не хватало, я купил готовый нежирный говяжий фарш. По виду — свежий. Я не люблю жирную долму. Кто-то, может быть, и любит, но не я. Вкус жира перебивает всё. И даже долма становится мне неинтересна. И это несмотря на то, что давным-давно, когда я ещё учился в школе, мама сказала мне: «Сынок, я заметила, что если даже я буду готовить тебе долму все триста шестьдесят пять дней в году, то ты спокойно будешь её есть и ничего больше не попросишь из еды». Это правда, мама знает, как я люблю мамину долму. Но не люблю, а именно мамину.

В фарш нужно обязательно добавить риса. Я предпочитаю делать это интуитивно. Ничего я в пропорциях не понимаю, но получилось вчера очень даже нормально. Рис должен быть рисом, а не дроблёнкой, не окатышами и прочим непонятно чем. Так, чтобы в приготовленной долме рис в начинке выглядел как в плове — рисинка к рисинке, а ни в коем случае не слипшейся склизкой массой.

В фарш ещё добавляется мелко-мелко нарезанный репчатый лук, зелень мяты (нанэ) или базилика (рейхан). Или того и другого, если есть. И, конечно, нужно заправить фарш чёрным молотым перцем и простой поваренной солью. Готовый фарш заворачивается в виноградные листочки. Получается сырая долма.

В кастрюлю лучше всего сначала положить одну-две-три небольшие мясные косточки. Поскольку я делаю долму с говядиной, то косточки должны быть говяжьи. Сверху укладывается долма.

К готовой долме я делаю соус. Если есть мацони или катык, то добавляю в них мелко нарезанный чеснок (по вкусу) и хорошо перемешиваю, чтобы чеснок там распределился равномерно. Всё. Можно выложить долму, полить соусом и есть. Что я сегодня и сделал...

Ем долму, а сам вспоминаю разные-разные мамини блюда... И ароматный суп кюфта-бозбаш с крупными мясными шариками, внутри которых цельный чернослив, с крупным горохом — нохуд. И плов с мясом в каштанах, и каурма-плов, и сабза-каурма-плов, и кялям-долмасы, и холодную, с зеленью, довгу, и пити, и душбара, и льявнги (особенно кутум-лявнги), и, конечно, кутабы — с мясом и зеленью... И пярямача — ну разумеется!

А сладости? Боже мой, сладости, которые мне давно уже нельзя есть, увы... От простого лябляби (смеси орешков и изюма) до кяты, шекер-буры, пахлавы и даже шор-когала — он солёный, его мне, наверное, можно немножко...

А потом я включаю музыку «Яных-керем», потому что помню её с детства, и грущу. Почему

я, сытый, в тепле, всё равно грущу? Я не умею делать мамину долму—наверное, поэтому? Нет, не поэтому. Не скажу—почему. Не хочу говорить. Это моё. Извините...

Двое и звёзды

— Ты кто?

— Я—Повелитель Ветров. А ты?

— А я—Король Сумасшедших. Давай дружить!

— Давай.

И они подружились. И вскоре поднялся сумасшедший ветер. Но они не заметили его. Они ловили звёзды, чтобы вернуть их обратно. Ничего не получилось. Но было весело.

О голосе на ветру

Однажды поспорили два короля: чья земля лучше? чьё солнце выше? чьё небо краше?

Смешные они, эти короли, правда? Нашли о чём спорить! Тут и спорить-то не о чем: все знают, что наше небо краше всех, наше солнце выше всех, а уж лучше нашей земли во всём свете не сыскать! Потому что всё это наше. А как там у них—нам даже неинтересно.

Нет, ну не совсем неинтересно, но так, чуть-чуть. Вот если бы оно было хоть чуточку нашим... тогда другое дело. Тогда уже поинтереснее.

— Отдай мне свою страну,—говорит один король другому,—тогда я точно признаю, что она, по крайней мере, не хуже моей.

— Это почему же я тебе свою страну отдать должен?!—возмутился второй король.

— А у меня армия больше твоей! На одного твоего воина у меня тысяча моих. На каждого жителя твоей страны у меня сто солдат! Будешь перечить, всех вас перебью!

Ой-ё-ёй-ё-ёй! Как же не стыдно первому королю! Ушёл он домой, дверь хлопнул, не попрощался даже, сказал только, что утром вернётся с войсками и всё отберёт.

Загоревал второй король. Война—невесёлое дело, когда не понарошку. Вызвал он знакомую фею и говорит:

— Любезная, пожалуйста, сделай так, чтобы мы победили. И чтобы никто не пострадал от этой войны. Чтобы все после сражения домой целыми вернулись. Даже наши враги.

Так сказал король потому, что на самом деле он был очень добрым и никогда никому зла не желал.

Задумалась фея, а потом и говорит:

— Хорошо, мой король, пусть будет по-твоему. Но ты ведь знаешь, что такое настоящая война? На настоящей войне обязательно хоть кто-то должен погибнуть. Иначе она ненастоящая. Ты победишь. И страна будет ликовать и прославлять тебя, победоносного короля. И никто в стране не пострадает. И никто из врагов твоих тоже не пострадает. Погибнет только один человек...

— Кто?—дрогнувшим голосом спросил король.

— Твой сын,—чуть слышно ответила фея.

— Почему?—простонал побледневший король.— Почему именно он? Почему не я? Почему не кто-то другой?!

— Твой сын—храбрый мальчик. Он очень любит своих родителей и свою родину. Ты знаешь об этом. А война—это потеря. Война всегда забирает самое дорогое, то, что дороже собственной жизни. Ты не отдашь врагам свою родину ни за что. Значит, ты должен заплатить за это самым дорогим для тебя, мой король... Иначе не бывает. Никогда не бывает. — Да что же это такое?!—вскричал король от горя.— Почему? Почему так?! Пусть приходят и забирают всё, пусть! Я не король! Я просто отец! Просто отец... Мне ничего не нужно! Оставьте, оставьте мне моего ребёнка! Оставьте мне сына! — Если враги придут сюда, ты знаешь, мой король, что они не пощадят никого. Им нужны ваша земля, ваше небо, ваше солнце. А люди им не нужны. У них достаточно своих людей. Крепись, мой король. И поступай как знаешь.

Настало утро. Огромное грозное вражеское войско колыхалось, словно океан, на одном краю горизонта, а напротив него недвижно стояло маленькое войско короля. И впереди в сияющих доспехах гарцевал принц на белой лошади—с чёрной чёлкой и красивыми большими ресницами. Возле шатра на походном стульчике сидел молчаливый бледный король.

— Не бойтесь, ребята! Мы победим!—бодро воскликнул принц.— Их много, но наша любовь к родине гораздо больше их числа и их силы! Видите, они волнуются, как море, а мы спокойны, как скалы. Смотрите, смотрите, я их сейчас совсем напугаю!

Принц, как озорной, задиристый мальчишка, достал из кармана рогатку, вставил в неё золотую монету, прицелился и запустил её в сторону вражеского войска.

Монета полетела, сверкая на солнце, как молния. Она летела высоко-высоко и долго-долго, пока не упала далеко-далеко за горизонтом... Всё вражеское войско наблюдало за этим странным явлением. Зоркие глаза одного из солдат успели заметить место, куда упала сверкающая монетка. Он тут же сообразил, что это такое, и решил потихоньку подобрать её. Ну а как это потихоньку сделать? И солдат рысцой на цыпочках побежал к монетке, поблёскивавшей в траве.

«Куда это направился мой сосед?»—подумал стоявший рядом другой солдат и из любопытства последовал за ним. Их командир заметил, что двое солдат куда-то срочно улизнули из строя. С криком:

— Вы куда?! Ну-ка назад!—он помчался за своими подчинёнными.

Тут весь отряд заметил, что трое куда-то бегут, но не на поле боя, а совсем в другую сторону.

Оставшиеся без начальства солдаты этого отряда решили, что командир их куда-то срочно зовёт, а они просто не расслышали, и в полном составе ринулись следом. Соседние отряды и целые полки заметили такое передвижение; некоторые даже кинулись вдогонку, чтобы вернуть этих трусов и беглецов... Но поскольку командиры ни от кого никакой не были, а все ждали начала сражения, то возникла неразбериха; командиры вражеских армий говорили на разных языках и не понимали, что происходит. Переводчики сходили с ума, пытались что-то перевести. Кто-то крикнул:

— Нас окружают! Противник зашёл с тыла!

Вот тут-то и началась настоящая паника! Через десяток минут всё огромное вражеское войско вдруг распалось на части, разбегающиеся во все стороны от маленькой победоносной армии молодого принца.

В ярости и бессилии метался по полю вражеский король, пытаясь собрать разбегающуюся гигантскую армию, но, пока он собирал одних, другие рассыпались, как песок сквозь пальцы, а когда он устремлялся за ними, начинали разбегаться те, кого он только что с трудом собрал... И он остался один. Тогда король подобрал с земли чьё-то брошенное ружьё, зарядил его и выстрелил в сторону маленькой армии принца. А что он ещё мог сделать? Ведь он, грозный завоеватель, проиграл войну какому-то мальчишке!

Звук выстрела далеко разнёсся над полем.

— Сынок! — кричал побледневший отец принца и схватился за сердце, как будто пуля попала именно в него.

Сын обернулся к отцу, улыбнулся и кивнул ему, прижав руку к груди, а потом крикнул своим солдатам:

— Вперёд, друзья мои! За родину!

И маленькая армия ринулась вперёд. И отец встал и тоже побежал вперёд. Побежал к сыну. Но белая кокетливая лошадка унесла принца далеко-далеко, пешком не догнать.

Было много пленных, много трофеев, и никто не погиб; злой король раскаялся, и все были прощены, и все были счастливы... Было огромное торжество с тортами и фейерверками, с парадом и танцами, с песнями и играми — со всем, что так любят люди, когда радуются.

Только не было короля на этом празднике. Он извинился перед людьми и сказал, что больше не может быть королём. Он сказал, что ему надо найти сына и его лошадку, которые так и не вернулись с большого-большого поля.

С тех пор он всё ходит и ходит по полю. И зовёт, зовёт... Может быть, его самого уже давно нет, а голос остался. Слышите, ветерок вдали шелестит? Далеко-далеко... Это он. Я его часто слышу, особенно ночью...

Фисташковое дерево

Посреди широкошумного моря, на пронизанном солнцем и ветром каменистом и пыльном полуострове, есть древнее место под названием Гала. Когда-то там, в домах из спрессованных временем окаменевших ракушек, жили люди. В их жилищах не было окон: свет проникал внутрь через двойные широкие дымоходы, именуемые «дубла». Теперь на этом месте — музей под открытым небом. По каменным тропинкам между домами ходят палимые солнцем любознательные экскурсанты и бегают их неутомные дети.

В одном из каменных дворов стоит одинокое живое фисташковое дерево. Ствол у него ребристый, кора — светло-серая, а корни уходят далеко в глубь земли... Фисташковые плоды упоминаются в Библии. Читал о том, что царица Савская обожала фисташки. Но не в этом дело. Дереву несколько сотен лет. Обратил внимание на невероятную гладкость древесного ствола, такое бывает только от бесчисленных касаний человеческих рук. Оказывается, в Гала существует поверье: если дотронуться до этого фисташкового дерева и загадать желание, то оно непременно сбудется. Дотронулся. Зажмурился. Загадал...

Сбылось или нет — не помню, но теперь я точно знаю, где растёт дерево счастья и как оно называется.

Война кончилась

Война закончилась за пятнадцать лет до моего рождения. Естественно, что ни я, ни мои младшие сёстры её не видели. Мы читали повести, рассказы и стихи о ней, ходили с родителями на парады Победы, смотрели художественные и документальные фильмы. Но нам повезло: всё, что мы знаем о войне, нам не довелось испытать на себе. Видеть на экране и читать в книге — это совсем другое. Ты ведь знаешь, что, как бы ты ни переживал описываемое или показываемое, на самом деле всего этого сейчас уже нет. На самом страшном месте книжку можно закрыть, а телевизор — выключить. И всё. И нет никакой войны.

Во дворе я играл с ребятами в войну. Тогда во всех дворах можно было увидеть, как бегали мальчишки с вырезанными из досок «автоматами», а то и просто палками, в «атаки», кричали «ура» и в итоге всегда побеждали всех «врагов». Ими назначались такие же мальчишки, но помладше, потому что «пленными немцами» добровольно не хотел быть никто.

Я любил фильмы про войну, такие как «Отец солдата», «Баллада о солдате», «Подвиг разведчика», «Два бойца», «Жди меня» и другие. Тогда было много хороших фильмов, в том числе и документальных. Вместе с нами их смотрела мама. Однажды я заметил, что в определённые моменты просмотра она вдруг исчезает из комнаты.

Поскольку это повторялось постоянно, я обратил внимание на эти моменты из фильмов. Они были разными, но общим в них было одно: с жутким воем пикирующие немецкие бомбардировщики. Как только возникал этот звук, иногда даже без показа самих самолётов, мама буквально испарялась из помещения. Долгое время это оставалось загадкой для меня.

...Когда началась война, моя мама была пятилетним ребёнком и ни в каких сражениях, естественно, не участвовала. Но она, как и её старшие сёстры и моя бабушка, оказалась тогда в особом месте — в блокадном Ленинграде. В её детской памяти запечатлелись от той войны на всю оставшуюся жизнь два момента: ощущение вечного, непрекращающегося голода и этот невообразимо страшный вой пикирующих самолётов.

Много раз она пыталась рассказать об этом и не могла, потому что вспоминать это было невыносимо.

В сорок втором году семью мамы эвакуировали. Во время переправы через Ладожское озеро их в упор расстреливали с самолётов. Представьте себе: маленькая, худенькая русоволосая девочка с большими глазами, какой я видел её на единственной сохранившейся довоенной ленинградской фотографии, и огромные, пикирующие на неё с воем и стрельбой фашистские самолёты. Каково было этому ребёнку? Какой безумный ужас пережила её детская душа в те мгновения? С чем это сравнить? Не знаю. Не с чем. Мама помнит, как моя бабушка обняла плачущих дочек, накрыла их собой и начала молиться о том, чтобы их убили вместе, чтобы не оставляли страдать никого...

Прошло много лет. Очень много. Моя старенькая мама ещё жива. Но всякий раз, когда где-нибудь случайно она слышит тот самый знакомый ужасный звук, она прячется. Да, прячется ото всех, и нужно бежать скорее за ней, найти, обнять и сказать тому плачущему ребёнку с морщинистыми старческими руками: «Мама! Война кончилась, мама! Кончилась война...»

Острова

Люди — дрейфующие острова в океане времени. Одних годы разделяют, других — сближают. Возникая из океанских глубин, острова живут некоторое время, разрушаясь незаметно для себя, пока однажды, оплакиваемые волнами времени, не растворяются полностью в шёпоте их воспоминаний...

Доброе сердце

Был у меня двоюродный брат Вова. Однажды, в детстве, когда лет ему было не больше пяти, взял Вовкин отец его с собой в лес за дровами. Как раз в тот день бабушка связала Вовочке варежки из козьего пуха. Красивые, пушистые, новенькие. Зима была морозной. Поехали они с отцом

на санях, запряжённых лошадкой. Отец дров нарубил и вернулся с сыном домой, а варежек нет. Куда подевались? Смотрят взрослые на Вову: как так? Неужто потерял? А бабушка ведь так старалась! Эх!..

Вова ладошки замёрзшие в карманы прячет и тихо отвечает: «Нет. Я их не потерял. Я их зайчику оставил, на кустике. Зайчик всё время в лесу живёт. А там холодно. Мороз крепкий. Увидит зайчик мои варежки, обрадуется, наденет на лапки и согреет их». Посмеялись взрослые, не стали Вову ругать за его доброе детское сердце.

Немало воды утекло с тех пор... Нет на свете ни нашей бабушки, ни Вовино отца, ни его самого. Но историю эту буду помнить и другим рассказывать, сколько смогу. О добром нельзя забывать.

Мнимое и реальное

Каждую ночь мы видим свет звёзд, многие из которых погасли миллионы лет назад. Сейчас на их месте нечто другое: оно светит, но мы этого не увидим никогда. Не всё, что ты видишь, действительно существует. Не всё, что действительно существует, можно увидеть.

Муся

У мамы живёт кошка Муся. Она ещё подросток и любит играть с фантиками, нитками, всем, чем могут играть молодые кошечки. А ещё она умеет мастерски открывать двери платяных шкафов и прятаться в них, чтобы потом как выскочить оттуда, задрав хвост и выпучив глазки! Ага! Не ждали?! Испугались?! То-то же!.. Вот мы, кошки, какие неожиданные!

Сегодня уговорил маму сфотографироваться. Она этого не любит, потому что никак не получается, чтобы она на фотографии оказалась такой же, как в двадцать лет. Смотрит на свежие фотографии и опять расстраивается. А я всё уговариваю, мне ведь без разницы, сколько ей лет, дорого то, что она — мама моя родная, единственная и неповторимая. Короче, пока мы препирались и выбирали ракурс, Муся времени даром не теряла: забралась на подоконник и занялась свежим отростком фикуса, который вчера принесла маме соседка. Муся любит вытаскивать из горшочков и баночек свежесажённые растения. Такая вот у неё тайная страсть. Но на этот раз Мусины проделки выдал её хвост. Он попал в кадр, и теперь ей будет трудно отпереться: у нас есть реальная улика — мамина фотография с Муськиным хвостом на заднем плане!

В доме у нас живёт домовый. Люди его не видят, а Муся видит: лежит спокойно, свернувшись калачиком, и вдруг как вскочит, шерсть дыбом, глазки навыпучку! И смотрит куда-то в иной мир сквозь всё реально. Не бойся, киса, это наш домовый, он — добрый. Он маму оберегает.

Тайны поэтов

Шорох — уже не тишина, но ещё не звук.

Паузы — слова, нырнувшие в тишину, чтобы вынырнуть из неё иными.

Словно ветры, утонувшие в парусах, плывущих по небу, непокорные ничему, следуя курсом, к которому можно приноровиться, но который невозможно изменить, просыпаются на рассвете поэты — вместе с птицами, наверное, затем, чтобы услышать, как звучат стихи на их родном птичьем языке. Вот странные мысли подступили к одному из них отовсюду, заплясали вокруг — и вдруг все разом накинудись, хлынули, охватили пламенем своим, закружили и понесли, понесли в неведомую, глубокую, неотвратимую, невозвратную даль. И вот уже вспыхивают и тают слова, как свечи, оплывая в пространстве пауз меж ними и возникая снова из сумерек тишины. Так и текут тишина и речь, пересекаясь и ныряя друг в друга.

На языках птичьих, простым людям неведомых, говорят поэты. Говорят, говорят и слышат что-то своё, чего никто иной слышать не приспособлен. То смеются, то плачут, то молчат, а о чём смеются, о чём плачут, о чём молчат — тайна. Иной раз и друг друга не понимают. Глядят куда-то в никому не ведомое, то ли птичье, то ли вовсе неземное, а мы удивляемся и мимо проходим. Нельзя их трогать, знают они что-то особенное о жизни, о смерти, обо всём, что-то своё, чего никому другому знать не положено. И колдуют словами, и пересвистываются...

Цветок Чжэнь

Китаец Ляо всю жизнь мечтал о цветке Чжэнь. Когда он был ещё маленьким, мама Ляо часто рассказывала ему сказку о прекрасном цветке, который невероятно красив, нежен и благоухает так, что люди больше не в состоянии ссориться друг с другом. Они становятся учтивыми к старшим, интересуются здоровьем близких и стараются помочь каждому на своём пути. О таких хороших людях мама говорила: «Они знают запах цветка Чжэнь». Отец Ляо ещё до рождения сына ушёл к далёким горам и не вернулся. Взрослые изредка поговаривали, что он пытался что-то найти, чего нет в обычной жизни...

А однажды большая белая птица унесла мать Ляо в заоблачные края, откуда никто не возвращается, потому что там всем хорошо. Так сказали ему добрые соседи... У Ляо не было ни сестёр, ни братьев, ни дядюшек, ни тётушек — он остался совсем один. Много страданий пришлось перенести ему в жизни, много счастья и любви встретилось ему на земле. Выросли его дети и внуки. И появились у внуков правнуки... И все почитали его за мудрость, доброту и благочестие. И настал час, когда большая белая птица прилетела за ним. — Ляо, тебя ждёт мама, — сказала она.

— Хорошо, — улыбнулся Ляо. — А мой отец? Он будет там с нами?

— Нет, Ляо, — ответила птица.

— Он не помнит о нас?

— Помнит, Ляо. Но там его нет.

— Теперь, когда я улетаю с тобой, расскажи мне, что случилось с отцом? Почему он не вернулся домой?

— Ляо, твой отец — великий человек. Он не только знал о том, что ты должен родиться. Он предвидел твою мечту о цветке Чжэнь и хотел добыть его для тебя и мамы.

— Он любил нас, — вздохнул Ляо.

— Далеко-далеко отсюда, за мёртвыми горами Тянь-Фэй, на берегу тихого бездонного озера Шинь-Цу, у подножия волшебной скалы Минь-Дао, похожей на выпавший зуб дракона, там — возле самого входа в глубокую мрачную пещеру, где обитают демоны тьмы, — твой отец увидел и сорвал чудесный цветок Чжэнь. В тот же миг застонала, зашевелилась под ним земля, и огненный ветер полыхнул ему в лицо. И вздрогнули мёртвые горы Тянь-Фэй, и обрушилось на свои берега озеро Шинь-Цу, и пробудились, вышли из древнего мрака демоны тьмы, оберегавшие покой священного цветка Чжэнь.

— Они убили моего отца?

— Нет, Ляо, нет. Владеющего священным цветком Чжэнь невозможно убить никому.

— Они отняли у него цветок?

— Ни угрозами, ни силой, ни колдовством, ни хитростью — ничем невозможно лишить цветка Чжэнь того, кто им обладает. Только он сам по своей доброй воле может передать его другому. И никто — ни на земле, ни под землёй, ни на небе — не в силах изменить этого. Демоны знали о том и сделали всё, что было в их власти: они заточили твоего отца в самой тёмной и мрачной подземной темнице, а вход в неё завалили волшебной скалой Минь-Дао.

— Почему демоны тьмы так поступили с моим отцом?

— До тех пор, пока люди творят на земле зло, ссорятся и губят друг друга, демоны бессмертны, потому что происходят они из тьмы человеческой: из чёрной зависти, лютой злобы, горьких обид и беспросветного отчаяния. Но демоны не властны над цветком Чжэнь... Твоя мама была права, Ляо: если у людей появится этот цветок, они перестанут ссориться между собой, и тогда демоны тьмы сгинут навсегда. Ни исполинские силы, ни колдовские чары не способны помочь человеку, разыскивающему заветный цветок, но искренняя добрая душа сама чувствует дорогу к нему, а бескорыстное сердце и негибаемый дух преодолевают любые препятствия... Непрост цветок Чжэнь, и не каждому, кто его найдёт, он позволит сорвать себя! Но лишь тому, кто хочет сделать это

из любви к другим людям и ко всему живущему на земле... Таков твой отец, Ляо. Всё, на что способен один человек, он совершил.

— Могу ли я помочь ему?

— Нет, Ляо. Ни ты, ни кто-то другой из людей не в силах поднять скалу Минь-Дао, заклятую демонами тьмы.

— Значит, нет никакой надежды?

— Есть, мудрый Ляо. Цветок Чжэнь рождён любовью и не погибнет до тех пор, пока она есть: любовь матери к своему ребёнку, любовь юноши к возлюбленной, любовь детей к своим родителям, любовь каждого живущего на земле ко всему сущему и ко всем, кто нуждается в любви. А нуждаются в ней все, Ляо. И она будет всегда. Когда все живущие поймут это, демоны тьмы сгинут сами собой. И скала Минь-Дао исчезнет. И зазеленеют, зацветут мёртвые горы Тянь-Фэй, и станет ласковым и тёплым озеро Шинь-Цу...

— Ты можешь подождать меня немного, белая птица?

— Да, Ляо. Я подожду.

И тогда Ляо созвал всех своих детей, внуков и правнуков. А когда все они собрались, он поведал им то, о чём рассказала белая птица.

— Я созвал вас, чтобы попрощаться со всеми,— сказал Ляо.— Живите же на земле, заботьтесь о ней и любите всех, кто живёт на ней. Если есть у вас враги, простите их и предложите помощь. Откройте ваши сердца миру и сделайте так, чтобы одна лишь любовь была в нём повсюду. И однажды в вашу дверь постучится улыбающийся молодой человек, а в руках у него будет невероятно красивый, нежный, благоухающий цветок Чжэнь. Скажите ему, что ваш дедушка Ляо всегда помнил о нём и любил его. Скажите ему это, когда он придёт.

Прекрасное мгновение

Вот мы кричим: «Остановись, мгновенье! Ты прекрасно!..» И мгновенье останавливается, оторопев, словно выглядывает из окна бытия: кто его тут позвал? И зачем? Приглядывается к себе: «Я прекрасно? Чем же таким?» И, любясь собой, незаметно исчезает. Ибо вслед за ним уже теснятся другие, такие же нетерпеливые и любопытные. Такие же прекрасные...

Семь роз

Однажды на Крайнем Севере, в середине лета, а точнее, в день моего рождения, друзья подарили мне семь высоких голландских роз, как обычно, напичканных химией для того, чтобы им просто-я до следующего после продажи дня и умереть, как говорится, «с чувством исполненного долга». Розы были столь прекрасны, что хотя я и понимал, какая участь ожидает их в ближайшее время, но мысленно всё же взмолился, обращаясь к Тому, Кто Может всё, с просьбой продлить жизнь хотя бы

на сколько-нибудь семи моим красавицам. И чудо случилось: розы не завяли, а засохли — примерно через неделю, но рядом с засохшими веточками появились новые, более мелкие, с изящными молоденькими листочками. А через месяц все семь роз расцвели снова. На этот раз распустились не семь, а несколько десятков небольших пылающих бутончиков. Наступила осень. Грянула зима. Но розы продолжали цвести. Одни бутоны сменялись другими.

Наступило время моего отпуска. Время, которое я посвящаю родным и семье. Мне нужно было ехать на юг, чтобы навестить маму. Уезжая, я попросил коллег по работе присматривать за моими розами. Они старались. Но напрасно. Когда я вернулся, то увидел, что из всех семи роз живой осталась только одна веточка с единственным ярким бутончиком, а все прочие — умерли... Десять дней и ночей я отчаянно боролся за жизнь своего последнего цветка. Но всё было напрасно. Одинокая розочка умерла, так и не пожелав оставить своих подруг.

Прошло несколько лет, но каждый раз в день своего рождения, едва проснувшись, я невольно бросаю взгляд в сторону пустого подоконника, словно всё ещё надеюсь на чудо.

Другие

Люди говорят иногда с ожесточением о других людях: «туп, как дерево» или «глуп, как осёл». На мой взгляд, совершенно неприемлемые сравнения. Каждый вид живых существ находится в своей системе измерений и, исходя из этого, имеет свою шкалу оценок состояния внешнего и внутреннего мира. У дерева — своё, у осла — своё, у человека — своё. Некорректно сравнивать разные вселенные, живущие по разным законам физики, химии и математики. Человек не мудрее муравья. Просто у муравья иная система оценок иного мира. Мира муравьёв. И мы, люди, ни в чём не превосходим ни муравьёв, ни ландыши. Мы просто — другие.

Бабочка

В пятницу духота продолжалась. Окна, открытые настежь, — надежда на сквознячок. За полярным кругом вентиляторами не принято запасаться. С улицы несёт гарью лесных пожаров. У нас здесь лесов нет: чахлое редколесье в речных долинах и возле — не в счёт, большая часть окрестных земель — заболоченная тундра с одинокими низкорослыми деревцами и кустами. А то и без них. По радио в новостях передали, что в течение трёх ближайших августовских ночей в разных уголках планеты можно будет наблюдать уникальный метеоритный дождь: тысячи звёзд упадут на землю, и самый сильный звездопад случится завтра в ночь. Усмехнулся: какие звездопады? Дымчато-серое небо сплошь покрыто облаками.

Ни единого прогала. К вечеру стало заметно прохладнее и сырей. Заморосил, зашуршал еле слышно мелкий дождичек.

За окнами шипит невидимый мокрый асфальт под колёсами автомобилей. Падают отдельные дождевые капли с карниза. А это что за шорох — непонятный, громкий и совсем рядом? Вроде и не на улице, а в соседней комнате. Заглянул туда и обомлел: бабочка! Большая, красивая, яркая. С густо-оранжево-коричневыми крыльями в чёрных и редких белых пятнышках, с чёрно-белой, мелкими зубчиками, каймой по всему периметру. Машет ими часто-часто, то прижимаясь к плоскости оконного стекла, то зависая в уголке рамы. Что за чудо?! За три лета на Севере нигде ни разу не видел бабочек. Комаров, мух, оводов, ос, мошки — видимо-невидимо насмотрелся, но бабочек — не доводилось. А тут — нате, сама в дом залетела. Да такая нарядная и крупная. «Окна открыты, улететь ей несложно», — подумала я и поспешил за фотоаппаратом: хоть сфотографировать на память, не то после сам себе не поверю, решу, что приснилось.

Вернулся: нет, не улетела ещё. Чтобы фотография получилась чётче, приблизил руки с фотоаппаратом к бабочке. Она испугалась, замахала крылышками ещё чаще. Никак снимок не получается. Взмолился мысленно: «Да не бойся ты меня! Не трону. Замри, пожалуйста!» И вдруг, словно услышала, замерла на месте. Снимок получился, и я ушёл, довольный, на кухню, готовить ужин. Потом, как обычно, сидел допоздна в Интернете и незаметно уснул.

В субботу с утра стало ясно, что дождь не прекращался, усилился ветер. Проснувшись от холода, я решил, что давно пора закрывать все окна. Честно сказать, и не думал о бабочке. Просто зашёл в ту же комнату и... обнаружил её на месте. Не улетела. И правильно: на улице зябко, в квартире гораздо комфортнее. Она вновь запорхала вертикально по стеклу, но не испуганно, а как бы приветствуя меня. Я невольно улыбнулся. Привет, привет! Не хочешь ли ты сказать, что решила поселиться у меня? Вот и ладно. Живи сколько хочешь. Я тебя не гоню.

День был выходной, и потому я занялся всякими личными делами: то ходил в магазин, то подметал и пылесосил полы, то стирал и гладил рубашки, ну и в Интернет опять-таки зашёл. Потом на меня снизошло очередное вдохновение, и я начал записывать что-то очень важное для себя на тот момент. Забылся и вдруг почувствовал чьё-то присутствие совсем рядом. Кто это? Начал озираться и заметил краем глаза... бабочку на своём плече. Она сидела спокойно, чуть покачивая раскрытыми крыльями. Я затаил дыхание. Надо же, какие нежности. Так продолжалось некоторое время. Затем я не сдержался, шумно выдохнул. И бабочка улетела в свою комнату.

Нет, она больше не появлялась возле меня, но продолжала скромно сидеть там, у себя, на краю окна. Прошла суббота. Дождь, мелкий, моросящий, продолжался. В воскресенье утром бабочка приветствовала меня так же, как вчера. Я уже как-то привык к её сосуществованию рядом со мной. Словно так и было всегда. На следующее утро, в понедельник, внезапно подумал: а ведь её бы надо кормить! Но чем? Кормят обычно собачек, кошечек, этих понятно чем. Только вот бабочки не едят такую пищу. Чем же её угостить? Решил обратиться к друзьям через Интернет с этим вопросом. Задал его и ушёл на работу. Зябкий, промозглый скучный день.

Поведал коллегам о бабочке. Все подивились. Одна женщина заявила, что за свои двадцать девять рабочих лет, проведённых здесь, на Севере, никаких таких бабочек сроду не видела. Оленей — да, псов — да, мух — навалом, а чтобы бабочек... Я показал фотографию. Некоторые отнеслись и к ней с недоверием. Однако новость не осталась незамеченной. Коллега из соседнего отдела сообщил следующее: обычно бабочки питаются нектаром цветов и соком перезревших фруктов. Ну да, об этом и я догадывался. Но дома может и не быть нектара, а держать в квартире гнилые фрукты что-то не очень хочется. Оказывается, нужно развести пару чайных ложечек сахара или мёда на половину стакана с водой. Чтобы бабочка догадалась, что это — еда, ей нужно дать попробовать приготовленное на вкус. Для этого необходимо острой тонкой иголкой или зубочисткой раскрутить бабочке хоботок и окунуть его кончик в сладкий раствор, после чего бабочка успокоится и начнёт питаться. Желательно подкармливать её раз в сутки, тогда она дольше проживёт...

Где там у неё хоботок и как всё это сделать, не повредив ей ничего, ума не приложу, но моя бабочка не ела уже три дня! Кое-как дождавшись обеденного перерыва, я помчался домой. Мёд у меня был, поэтому я сразу направился на кухню, развёл его в воде, налил медовую воду в блюдце и вошёл с ним в комнату к бабочке.

В комнате было тихо. Ничто не шуршало. На краю подоконника лежало нечто маленькое, хрупкое и тёмное. Я подошёл, поставил блюдце. Моя бабочка лежала на боку со сложенными крылышками и не двигалась. Осторожно положил её на свою ладонь и медленно открыл окно. На улице тоже было тихо. Дождик кончился. Может быть, это звездопад принёс тебя ко мне? Зачем ты прилетела? Словно в ответ, лёгкий ветерок пошевелил безжизненные крылышки, и первые солнечные лучи пробились сквозь облака...

Рабочий день завершился, настал вечер, затем — ночь... Она так и лежит сейчас там, на подоконнике. А я не знаю, что теперь делать и почему мне так нестерпимо грустно...

И всё-таки жизнь — умнее и милосерднее нас. И всё было не зря! Наступило утро. Только что, десять минут назад, собираясь на работу, я не удержался и заглянул в ту комнату. Она вся залита утренним солнечным светом. И что я вижу на теплом подоконнике? Бабочка ожила! Она стоит на тоненьких лапках, обнимая ими оконное стекло, и греется! Я дотронулся до неё: она тут же замахала крыльшками быстро-быстро, как раньше. Торжествуя, как мальчишка, я ринулся за вчерашним блюдцем на кухню. Поставил его перед ней... и почти сразу же догадался, что солнечный свет ей нужнее.

Я распахнул окно и легонько направил её к нему. И она улетела! Красивая. Яркая. Живая! Такое сокровище не может принадлежать одному человеку. Она принадлежит всему миру. И весь мир — принадлежит ей...

Памятник Милосердию

Моя бабушка, какой я её помню, была удивительно добрым человеком. Мне, родившемуся через пятнадцать лет после Великой Отечественной, тяжело даже представить себе то, что ей довелось пережить. Первую, самую жуткую, блокадную зиму она провела с четырьмя детьми — тремя дочками и крохотным сыном, родившимся в 1941-м, — в Ленинграде. Муж на фронте, старший сын — в партизанах. Постоянные бомбёжки и нескончаемый голод, от которого у неё на руках умер младший сыночек... Летом 1942-го им удалось эвакуироваться из Ленинграда, до деревни в Пензенской области добирался несколько месяцев. Голодала и деревня («Всё для фронта! Всё для Победы!»), поэтому питались чем могли: например, пекли хлебные лепёшки из крапивы или лебеды вперемежку с редкими истолчёнными зёрнами, добытыми из колосков, украдкой, с великим риском, подобранных в поле.

Прошёл переломный 1943 год, война близилась к концу. Неподальёку от деревни, где жила бабушка, появились пленные немцы. Голодные, больные, обмороженные...

Местные жители встретили их неприветливо. И моя бабушка, пережившая всё то, о чём я сейчас рассказал, начала носить голодным и больным пленным еду. Женщины в деревне ругали её последними словами. У каждой либо отец, либо муж, либо сын — были на войне. Каждая ночами плакала от страха за жизнь близкого человека. А тут на глазах у всех их соседка подкармливала тех, кто был источником их несчастий. Как такое может быть? Но каждое утро, невзирая на ругань и проклятия, бабушка на опухших от голода ногах шла туда, где мёрзли и умирали от голода пленные, и делилась с ними всем, что было у неё и её полуголодных детей.

Однажды женщины не выдержали и, обступив бабушку кругом, начали кричать на неё. Как она смеет носить хлеб немцам? Врагам! Может быть,

именно они стреляли в их родных?! И бабушка ответила им: «Я не знаю, где сейчас мой муж и мой сын. И что с ними сейчас, не знаю. Быть может, кто-то из них вот так же в плену, как эти несчастные люди. Я ношу им хлеб и надеюсь на Бога, что если кто-то из них сейчас в плену, такой же голодный и больный, как они, то, может быть, и там найдётся немецкая женщина, такая же мать, как и я, которая сжалится над моим ребёнком и мужем, и даст им поесть, и не позволит им умереть. Я живу только этой надеждой. И я буду носить хлеб этим несчастным, сколько бы вы на меня ни кричали».

Прошло много лет. Бабушки моей давно уже нет. Но вот какая мысль не отпускает меня с той поры, как я узнал эту историю с пленными. В нашей стране и в Европе, да и во всём мире, наверное, установлено множество памятников, посвящённых военному времени. Но я не знаю ни одного памятника, посвящённого Милосердию, без которого на самом деле невозможно выжить иной раз не только в военное, но и в мирное время. Впрочем, один такой памятник всё-таки есть. Знаете где? В Турции. Вот что я прочитал об этом. Во время Первой мировой войны австралийско-новозеландский армейский корпус, поддерживавший англичан, отчаянно штурмовал турецкие позиции, пытаясь сбросить турок в пролив Дарданеллы. Штыковые и огневые атаки продолжались одна за другой, турки из последних сил держали оборону. Обе стороны истекли кровью. После очередного неудачного наступления, когда противоборствующие стороны затихли, чтобы подготовиться к следующему бою, на нейтральной полосе остался лежать раненый австралийский солдат. Он громко стонал, но никто из его товарищей не рискнул отправиться за ним, понимая, что добраться до него под прицельным огнём противника практически невозможно. Солдат был обречён на медленную смерть.

Вдруг стрельба со стороны турецких войск стихла, и из окопа с белым флагом в руке поднялся турецкий солдат. В полной тишине он приблизился к раненому, поднял его на руки и донёс до вражеских окопов, а затем вернулся к своим, после чего сражение продолжилось.

В 1997 году турецкое правительство установило этому подвигу милосердия памятник, изображающий турецкого солдата, выносящего с поля боя раненого врага.

Я не думаю, что моя бабушка была одинока в своём благородном поступке. Мне кажется, что таких историй, какая случилось с бабушкой, наберётся множество. Народ наш по сути своей милосерден и незлобив...

И ещё вот что: можно враждовать и обрушивать праведный гнев на врага до бесконечности, можно гордиться своими победами и не

прощать никому ничего, но никакая война не сможет закончиться, пока не найдутся милосердные люди. О милосердии нельзя забывать. Давайте поставим у нас в стране памятник Милосердию. Хотя бы один на всех.

Надежда

Не ищи свой Храм ни на земле, ни на небе. Твой Храм в тебе. Не всякий знает о своём Храме. Не всякий, кто знает о Нём, видит Его свет. Не все, кто видит Его свет, войдут в Храм. Но у каждого есть надежда.